

18+

Юрий Слобода

СОВЕТСКИЙ
БОГ
СТАЛИН

Юрий Слобода
Советский бог Сталин

«Издательские решения»

Слобода Ю.

Советский бог Сталин / Ю. Слобода — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982233-8

Я расскажу о человеке, изменившем ход истории. Историю не раз перекраивали, уничтожали и навязывали. Нет истории — нет народа. Отношение к Сталину — вовсе не вопрос истории. Это вопрос будущего страны.

ISBN 978-5-44-982233-8

© Слобода Ю.
© Издательские решения

Содержание

Советский Бог Сталин	7
Рождение бога или Иосеб Бесарионис дзе Джуганишвили	9
Старая «добрая» Англия и её пасынки	11
На холмах Грузии или отрок Сосо	14
Человек – это звучит гордо	25
Семинарист	28
Закваска революции или коммунистическая Россия – британский проект	40
Рождение лорда или Сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль	43
Революционер	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Советский бог Сталин

Юрий Слобода

© Юрий Слобода, 2020

ISBN 978-5-4498-2233-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моему отцу, танкисту Великой Отечественной войны, гвардии сержанту, Дегтярёву Валентину Алексеевичу.

Русь моя – Отечество!

Щедрая и обильная на человеческие ресурсы и сырой чернозём.

Рыба в прудах плавает, где глубже, а человек – повсюду.

Его защищал ещё прадед с трёхлинейкой.

И предок на бранном поле за чужую спину не прятался.

Рубились за него древляне, поляне и болотичи.

*И питекантроп, когда неприятеля каменным кайлом сокрушал,
тоже считал, что за правое дело отдаёт богу свою обезьянью душу.*

Высшая награда Господа – защищать и беречь Отечество!

Его боялись и перед ним преклонялись. Он создал державу. Он вышел победителем. Он вывел страну в число мировых лидеров. Он спас и сохранил Россию.

Советский Бог Сталин

Сталин уничтожал на русской земле бесов, порожденных революцией и фашизмом. Сталин пришел в этот мир по воле Божьей, выполнив предначертанное ему в земной жизни: создать Великую державу, Союз Советских Социалистических республик, – прообраз будущего справедливого общества на Земле.

Осуждать Сталина за репрессии, то же самое, что осудить Христианство за инквизиции!!!

Отношение к Сталину – вовсе не вопрос истории. Это вопрос будущего страны.

Никогда в своей истории наша страна не знала таких величественных преобразований, как в сталинскую эпоху! Именно поэтому сейчас реализуется «дьявольская» задача – никогда больше не допустить появление у властных рычагов государства людей, сопоставимых по своей внутренней силе, нравственным качествам, стратегическому мышлению, организаторским способностям и патриотизму с Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

Народ не просто помнит Сталина, люди считают его одной из самых выдающихся личностей в истории России. Мало того – они желают его возвращения. И это несмотря на то, что десятилетиями идет уничтожающая кампания по отношению к личности Сталина, его великой роли. Люди хотят Справедливости.

Враги наши не нации и не иные верования, а богатеи алчные по всему миру. За ними рабство, голод и войны, террор свободному человечеству. Тяжелое время рождает сильных людей, сильные люди создают легкие времена, легкие времена создают слабых людей, слабые люди создают тяжелые времена...

Сталин – равный среди неимущих. Второе пришествие бога в мир людей – состоялось!

«Сталин не ушел в прошлое – он растворился в будущее»

Генерал де Голль

Всё, что окружает тебя – его творения. Заводы и фабрики, на которых ты работаешь; улицы, по которым ходишь; учреждения, которые посещаешь; дома, в которых ты живёшь, а не ютишься в бараках гетто. Ты родился и дышишь воздухом свободы благодаря его Победе.

Всего этого не было бы. Не было бы ни космических исследований, ни ядерного щита... Не было бы Германии и Израиля. И многих не было бы... И много чего ещё не было бы...

Он создавал реальный мир добра и справедливости в отличие от загробного царства, которое старательно нахваливают жрецы культа со времён фараонов. Способен ли на такое человек?

Рождение бога или Иосеб Бесарионис дзе Джуганишвили

Вертится в бесконечном Космосе планета Земля, многое видела и о многом знает. И посылает человечеству миссию. Спасителя. В самом конце декабря первый снег уже укрыл горные вершины над местечком Гори, припорошив у подножия хрупкие сухие травы. В чистом звонком воздухе царила тишина. Кажется, всё замерло, кроме мерцающих звёзд... В этот час, как и тысячи лет тому, при рождении Иисуса, ослепительная звезда Сириус в ночном небе образует единую линию с тремя ярчайшими точками в поясе Ориона, которые и сегодня называют так же, как и в древние времена – Три Царя. И возвещают эти звёзды о рождении божественного дитя человеческого. И это станет предвестием вхождения в новую эру. Эру Справедливости.

В семье сапожника Виссариона Ивановича Джугашвили молодая грузинка Екатерина Геладзе родила сына и нарекла его именем Иосиф. Или Сосо, так ласково называла она своё дитя.

Ястреб сел на крышу дома, а в небе заклекотали орлы. А земные правители только что прекратили русско-турецкую войну. Царь Российской империи Александр II Николаевич Романов и султан Османской империи Абду́л-Хамид II.

Заканчивался XIX век. Россия получала утраченные земли, освободив народы Балкан от турецкого ига. А не участвовавшая в русско-турецкой войне Англия, но подбивавшая на это обе стороны, получила остров Кипр, как всегда, не оставаясь накладе...

Старая «добрая» Англия и её пасынки

Русских слишком часто «разыгрывали втёмную», играя на их готовности к самопожертвованию, на их удали и природных воинских качествах. За это их нахваливали, разжигая пламенный патриотизм. Когда надо было его умерить – задували, как свечу. «С удивительной прозорливостью, – с горечью пишет военный историк Керсновский, – Россия спасала всех своих будущих смертельных врагов. Русская кровь проливалась за всевозможные интересы, кроме русских»...

А вот, что касается Англии, дело обстояло совсем иначе. Британский жадный лев всегда желал царствовать над миром. Английское влияние начало проникать на Русь ещё со времен Ивана Грозного и основания «Московской Компании» Лондона, воспринимая «Московию» как свою сырьевую базу, а также как таран против неугодных империй: Османской, Шведской, Польской, Германской, Французской, Австро-Венгерской и даже Китайской.

За Российскую империю Англия взялась, начиная с Петра I. Пётр и по сей день удостоен памятника в Лондоне. Понятно, почему Запад так нахваливает петровскую Россию. Дворцовые перевороты в России с ликвидацией неугодных монархов и заменой на нужных императоров в пользу Англии – происходили так же, не без участия этой огромной колониальной империи, курирующей мир с небольшого острова. Чужими руками они совершают революции и развязывают войны. Оплачиваемые чиновники выносят нужные им вердикты. Всё и везде идёт, как по маслу, человеческий механизм, смазанный фунтом стерлингом, работает как швейцарские часы Rolex Paul Newman Daytona. Всё всегда и везде безотказно! ...И вдруг, механическая часть лопается, ломается!! Маленький человеческий винтик останавливает молох... мировую колониальную сверхдержаву... расколов мир на два лагеря: на лагерь империализма и лагерь социализма. Доказав существование двух систем в мировом сообществе – социалистической и капиталистической с преимуществом первой по основным показателям.

Итак, конец XIX века, окончание русско-турецкой войны. Россия выходит победителем, но новый невидимый агрессор противостоит ей. Российскую империю в это время охватывает террор. самого выдающегося реформатора России Александра I революционеры-террористы убили именно в тот день, когда он подписал проект конституции российского государства. Российские революционеры представляли собой «некий симбиоз радикала и уголовника», не обременённого соображениями морального плана, которых хорошо оплачивал Лондон. Те, кто боролся за освобождение России от деспотизма, на самом деле освобождал её от величия, мощи и ведущей роли в мировой истории, опуская на колени... Россию необходимо было ослабить, разорвать на куски, как зверь рвёт жертву... Раздробить на ряд мелких враждующих государств с колониальной автономией, под внешним присмотром и управлением Запада, коварство и жажда наживы которого превышала все разумные пределы.

Количество подобных террористических группировок росло. Одна из них – «Народная воля» – крупная революционная группировка, возникшая в 1879 году после раскола организации «Земля и воля» и распада террористической группы «Свобода или смерть». Революционеры, ратующие за народ, сами не бедствовали, вели светский образ жизни, были обеспечены и, даже расточительны, они вовсе не страдали от безденежья. Безусловно, среди рядового оболваненного состава были ярые фанаты и идеалисты...

Сафари на императоров России поощрялось и щедро финансировалось Великобританией. Самодержца Александра II народовольцы обложили как загнанного зверя. Император избежал смерти от пуль Дмитрия Каракозова и его подельника, удалось пережить пять выстрелов другого киллера, случайно уцелеть при подрыве его поезда и покушении в Зимнем дворце. Но охота на него продолжалась. В начале 1881 года руководство «Народной воли» почти всё было арестовано. Однако, оставшаяся на свободе Софья Перовская продолжила подготовку нового убийства. Царь был приговорён и был уже не жилец. На этот раз было решено забросать его бомбами, что бы уж наверняка. Положительного результата ждали в Лондоне. Сицилийская Коза Ностра позавидовала бы виртуозной кровожадности русских бомбистов. Первая бомба была брошена неудачно, всего лишь распотрошив животы охране. Вторая бомба была брошена в самый раз, царю Александру II оторвало ноги, он истекал кровью. В безнадёжном состоянии был доставлен в Зимний дворец и через несколько минут скончался. Таким действенным методом намеревалось изводить всех российских царей. Однако, после убийства императора Александра II, бомбисты-террористы были разгромлены властями, остатки существовали в виде мелких разрозненных группировок. За нового императора, Александра III взя-

лись новые революционеры. В их числе Александр Ульянов. Отстреливать российских монархов стало делом обыденным, за светлое будущее английских лордов и за хорошие деньги для революционной элиты.

На холмах Грузии или отрок Сосо

*На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою...*

Грузия, это и мифологическая Колхида, край сказочного богатства и волшебных чудес, куда отправлялись герои аргонавты за «золотым руном». Когда-то здесь, по версии Геродота, осели и славные воины, приплывшие с далёкой египетской земли за красавицами жёнами. В Колхиде нет обычая, чтобы жена приносила мужу приданое. Горцы ищут в жене, прежде всего, физическую красоту, благородное происхождение и хороший нрав – это бесценное приданое невесты. Супруг будет достойно вознаграждён здоровым, красивым и сильным потомством, которое продолжит род.

Кажется, горные боги создали природу этого края, красота и величие повсюду. А там, где вершины касаются воздушных облаков, эхом доносится песнопение. Словно из глубины веков, сюда слетаются горные ангелы на застолье, вокруг стволы самшитов и тисов, кусты кизила. Основания мощного дерева у валунов окутаны бархатом изумрудного мха. В вольном ветре колышутся гибкие ветви с игривой листвой, а корневища змеями переплетаются между собой. Горные ручьи превращаются в стремительные потоки и бросаются о камни, словно в смертельной схватке, разбиваясь и разлетаясь брызгами в тёплом воздухе. И парит по воздуху душа соколом, исследуя зорким оком тайные тропы гор, по которым могут юркими гадами проползти лазутчики неприятеля. Между двух могучих воинствующих государств была зажата эта горная страна – меж огромной Византийской империей и Персидской державой. Ещё видны на холмах руины древних крепостей, где теперь травы прорастают сквозь разбитые камни и трещины старых гранитных валунов, где снуют юркие ящерицы. Маскируются геккончики под охристый рассыпающийся каменный блок. Иногда одинокий тур заглянет на развалины, копытом поковыряться в пыли. Быстрый балобан просвистит над головой, пролетая. Городок, возникший из разрастающегося посёлка, постепенно окружает развалины, где застыло время.

Так появился и этот город Гори в восточной Грузии, расположенный в Картлийской долине в месте слияния реки Кура и её притока, Большой Лиахвии. Поселение Гори упоминается в летописях с VII века н.э. и в царствование Давида IV Строителя, в начале XII века. Здесь и находятся развалины старинной крепости Горисцихе на холме в центре города. Крепость была даже запечатлена на гербе Горийского уезда. Считается, что бастион был основан в I веке до н.э. римлянами. В конце XIII века Гори захватили аланы. В XVI веке город взяли сначала иранцы, а потом турки, затем, Гори был под властью персов. И лишь после, вошёл в состав Российской империи. В окрестностях, к востоку от Гори, на левом берегу Куры – древний пещерный город Уплисцихе, он высечен в скале ещё в конце II – в начале I тысячелетия до н. э. Крепость Горисцихе в Гори несколько раз захватили и разрушили, теперь она медленно превращается в пустырь...

В застывшем воздухе висит яркий полдень. По каменному блоку, обвитому лещиной, стремительно пробегает муравей. Вот он приостановился, шевеля усиками, и понёсся дальше по нагретой разрушенной плите. Рядом вздрогнул сухой стебель полыни, оттуда выпал бурый жучок прямо на спину. Заработал проворно лапками, переворачиваясь.

За всем этим наблюдал мальчик, осторожно ступая вдоль разрушающейся каменной кладки по пыльной тропинке, поросшей пожухлым сорняком и подорожником. Он наблюдал, как кузнечик терпеливо взбирается по травинке или торопливая жужелица бежит по мелким камешкам. Как-то подобрал птенца стрижа. Кормил сверчками и мухами. А потом выпустил с холма крепости, взобравшись на выступ камней. С руки подросший стрижёнок вспорхнул сам. Летел не особо уверенно. К нему с высоты спустились два других стрижа, возможно, его родители...

Мальчик часто посещал развалины крепости, здесь никто не мешал ему думать и мечтать. Но об этом никто не должен знать. Он с детских лет понял, что выставлять свою душу напоказ нельзя. Душа должна быть закрыта от всех, кроме бога. Но наблюдая за жизнью людей,

он стал понимать, что человеческие требования к жизни находятся в прямом противоречии с божьим учением. Люди утратили из виду истинную веру и следовали пустому ритуалу. Да и церковные учения не соответствовали окружающим реалиям. Кто может сказать правду? Нужно искать и познавать её самому. Его учителями становились книжные герои. Сказочные воины и мифологические богатыри, спешившие помочь нуждающимся в их защите.

Из-за серого смятого репейника вынырнула крупная ящерица... Прямо за ней на мальчика вдруг выскочил молодой пёс. От неожиданности оба испугались. Затем пёс завилял обтрепанным рыжим хвостом, и мальчик потянулся к нему ладонью. Мальчишку звали Сосо Джугашвили. Он приходил сюда часто, любил оставаться один, бродя среди развалин, где ясноликая Мзекала прикасается своими ласковыми солнечными ладонями к тёплым каменным блокам старой крепости и к его тайне. Юный Сосо видит здесь не руины, увитые плющом, а мощные стены цитадели Горисцихе у высоких скал и воинов с оружием. Он слышит бряцанье металла. И его любимый герой Сосла идёт по каменным плитам. Идёт богатырь, сняв шлем, волосы ветер трогает, его доспехи и одежда украшены чеканным орнаментом. Идёт он спокойно, рукой в перчатке чуть касаясь поножей меча. Его лицо вдохновенно и проникнуто величественной красотой, ясностью пылливой мысли. Мальчишка помнит всё, как написано в его любимой книжке о герое осетинского эпоса, Сослане стальном...

Закалял Сослана в своей небесной кузнице Курдалагон, который куёт солнечные стрелы и мечет огненные молнии. Умение получать и обрабатывать металлы, производить из них орудия труда, украшения, предметы культа и быта было необъяснимо и приравниваясь к силе чуда, и могло быть получено только богом. Древняя кузница выполняла функции храма, и главными объектами поклонения в нем являлись камень и огонь. Кузнец выполнял роль жреца в этих ритуалах. Наковальня являлась алтарем, на котором возжигался этот священный огонь. Мальчик помнил всё, что читал. «Клещами стиснуты были колени младенца Сослана, когда в волчье молоко опускал его кузнец неба. И хотя все тело Сослана закалилось, но колени его остались не закаленными, слабыми, не стальными...»

Всё это впитывал, жадный к познанию, мозг маленького Сосо. И видит он всё ясно, как наяву. Сошел Сослан во двор, двинул он концом сапога каменную плиту, вделанную в гору, и с грохотом сдвинулась плита. Пегого коня увидел Сослан, и глаза у него как кровь. Походной трубою заржал конь, оскалил зубы, встал на дыбы. Ударил его Сослан кулаком по лбу – на колени упал конь. Сунул Сослан ему в зубы уздечку, вскочил на коня, дернул уздечку. Шатаясь, поднялся конь и сказал:

- Вот теперь признал я руку хозяина! Не Сосланом ли звать тебя?
- Сослан имя мое. А тебя как зовут?
- Ты – стальной Сослан, а я – булатный Тхажей, для подвига рожденный.

Чуткий, быстрый как ветер его конь, высоко поднял голову, напрягая уши и зоркие глаза; тонкими ноздрями внюхивающийся в горячий воздух; развевающиеся грива и хвост коня, ржание передают его волнение. Он чует врага, как и богатырь Сослан. И кажется юному Сосо, что это он сам и есть, величественный витязь Стальной Сослан, пришедший на защиту бедных и обиженных.

Сегодня мальчик пришёл раньше обычного и у него появился лохматый рыжий друг. Сосо, присев на корточки, гладил по грязной шерсти бойкого дворнягу, отдирая пыльные репяхи с боков, рассматривая его.

- Пёс слегка прихрамывал.
- Ты рыжий и я чуть-чуть рыжий.
- Он тряхнул тёмно-каштановой чёлкой.
- И лапа у тебя подранена... Мы с тобой как братья...

Ещё раньше сам Сосо получил сильную травму руки и ноги. Псина радостно колотила хвостом по своему худому боку.

– Я буду звать тебя Булат. А был ли у Стального Сослана верный пёс? Об этом не написано в книжке... а у Сосо будет.

И он потрепал кудлатое ухо. Булат преданно заскулил, как и полагается героическому псу. Сосо старался помочь каждому, кто встречался ему. С малых лет юный Иосиф начал мыслить самостоятельно и окружающие удивлялись познаниям и смекалке, которые он проявлял в разговоре и беседах. А ещё, был он фантазёром и заводилой.

По узкой улочке Гори шёл худенький мальчуган, голова вертелась по сторонам. На смуглом лице улыбка и восторг, глаза сияли. Шлёпала стопа по пыльной дорожке. Лохматый собачонок бежал рядом. Палило солнце. На тутовом дереве у виноградника ворковали голуби. Выскочившая пёстрая курица заметалась с кудяхтаньем, и пёс погнал её вдоль ветхого каменного ограждения. Сосо побежал следом, распугивая воробьёв, копошащихся в пыли.

– Оставь её, глупую, Булат!

Городок Гори – это место, где дух прошлого витает среди построек из камня и глины, а атмосфера средневековья очаровывает глаз. Кажется, что время замерло здесь, вместе с разрушенным крепостным бастионом в центре. Невдалеке скромная церковь, куда водила малышка Сосо его мать, красавица Кеке, так называли Екатерину односельчане. Она рассказывала ему о сыне божьем, проповедовала смирение и добродетель. Рос мальчик мечтателем. Идёт он по дороге, задумается, позабыв обо всём на свете, запрокинет голову и наблюдает за перелетающими с ветки на ветку зябликами. Подберётся осторожно и смотрит за их пищащими выкормышами в гнёздышке, прислушиваясь к умиротворению живой природы. А на соседней улице, хулиганы мальчишки устраивали птичьи погромы. Уличная шпана соревновалась в меткости метания камней из самодельных рогаток. Среди них были и подростки, которые запросто могли надавать по сопатке для утверждения своего дворового авторитета. Верховодил ими смуглый крепыш Алан. Отец его турок, женившийся на осетинке и осевший в Гори. Хулиганистая шпана с недоверием отнеслась к худенькому и низкорослому Сосо, когда он был принят в их уличную шайку. Но Сосо быстро завоёвывал авторитет. Дерзость и непокорность в характере мальчишки сочеталась с рассудительностью и романтизмом. Быстро сдружился он с черноглазым Симоном, сыном каменщика Аршака, который был младше. Потом вместе они бегали смотреть как его отец спокойно и уверенно укладывает туф или бутовый камень, возводя стену. Сначала, смотреть было интересно, но потом, однообразная работа быстро наскучила. В свободное время, которого было достаточно, шайка Алана промышленяла в окрестностях Гори, обдирая персики или хурму с участков зажиточных армян. Мальчишки охотились на птиц, сбивая их камнями. Иногда просто для азарта, а то и прихватив свою добычу, убегали на развалины старой крепости на склонах горы Гориджвари. Закатывали горлиц и воробьёв в глину и на костре зажаривали с потрохами и перьями, получалось эдакое чахохбили. И, естественно, малолетние охотники похвалялись удачью и меткостью. Юный Иосиф рассказывал им о благородных разбойниках, грабивших богачей и уходивших в горы, и укрывавшихся в древних каменоломнях разрушенных крепостей, как они сейчас. С гордостью рассказывал о своём прадеде, о котором слышал краем уха от отца. Прадет его, Заза, был мятежником и так же скрывался от преследователей.

В один из таких вечеров, когда лёгкие осенние сумерки медленно поглощают багровый закат, заливший пол неба... шпана сидела у костра... Всего несколько минут назад скрылось солнце... Сосо рассказывал об одноглазых великанах из нартского эпоса, которые хотели закатить солнце в каменную пещеру, украв у людей свет. И о доблестном витязе, который вышел на борьбу с ними и победил, высвободив светило. Сосо повторял книжные слова, голосом витязя: «Кому желаешь добра, скажи, чтобы не причинял зла бедным и слабым. Пусть не делает другому то, что самому себе не желает». Это раненый витязь прощался с землёй и небом... Сосо закончил рассказ. Потрескивал сухой самшитовый хворост, выбрасывая искорки... Где-то вдалеке залаяла собака... Вскочил на лапы дремавший Булат. Сосо встал, подошёл к Алану.

– Скажи, брат, мы ведь не душегубы?

Поясняя, что геройства нет, лишая жизни неповинных ни в чём птичек ради забавы. Другое дело, устроить налёт с погромом на зажиточного лавочника Элгуджи Милахвари, посчитать камнями его горшки.

– Дело говорит! – обрадовался черноглазый Симон, от нетерпения ёрзая и вскакивая с камня. В больших глазах его отражался блеск огня от костра.

Идею шумно одобрили. В этот поздний вечер благородная шпана совершила разбойничий налёт на богача. Горшки, стоявшие рядами у мастерской, разбивали камнями и палками. Сторож палил во все стороны из ружья. Получился настоящий разбойничий налёт! В сумятице Симон подвернул ногу, прыгая в темноту. Вместе с другом Сосо они ковыляли к его крыльцу. Ночь была тёплая и светлая. Сосо приостановился, указывая на луну:

– Тетри Гиорги выходит на поединок с нечистой силой.

– Кто это?

– Белый Гиорги – небесный борец и бог луны.

Сосо повернулся к другу, поясняя:

– Повсюду добро борется со злом.

Пришёл домой Сосо поздно, уже засыпая, обратился к склонившейся над ним матери:

– Скажи мама, а у птички есть душа?

А ещё, что запомнились в детстве маленькому Сосо, это рассказы его дяди Сандала про кукушку, внешне безобидную птицу, но хитрую и коварную. Он просил его снова рассказать об этом и поправлял, если дядя ошибался. И дядя Сандала в который раз усаживал мальчика рядом и говорил:

– Эта птичка сама не хочет строить гнезда и не хочет кормить своих деток. Она, как приветливая птица-соседка, крутится в том месте, где хорошие птички стоят своё гнездо, и откладывает в чужое гнездо своё яйцо.

У Сосо уже на глазах появлялись слёзы. А дядя продолжал:

– Вылупившийся из чужого яйца кукушонок постепенно выбрасывает из гнезда всех маленьких и несчастных птенчиков... а птички начинают кормить кукушонка вместо своих деток.

Слеза сбегает по щеке Сосо.

– Почему эти птички такие глу-у-пы-ы-е?...

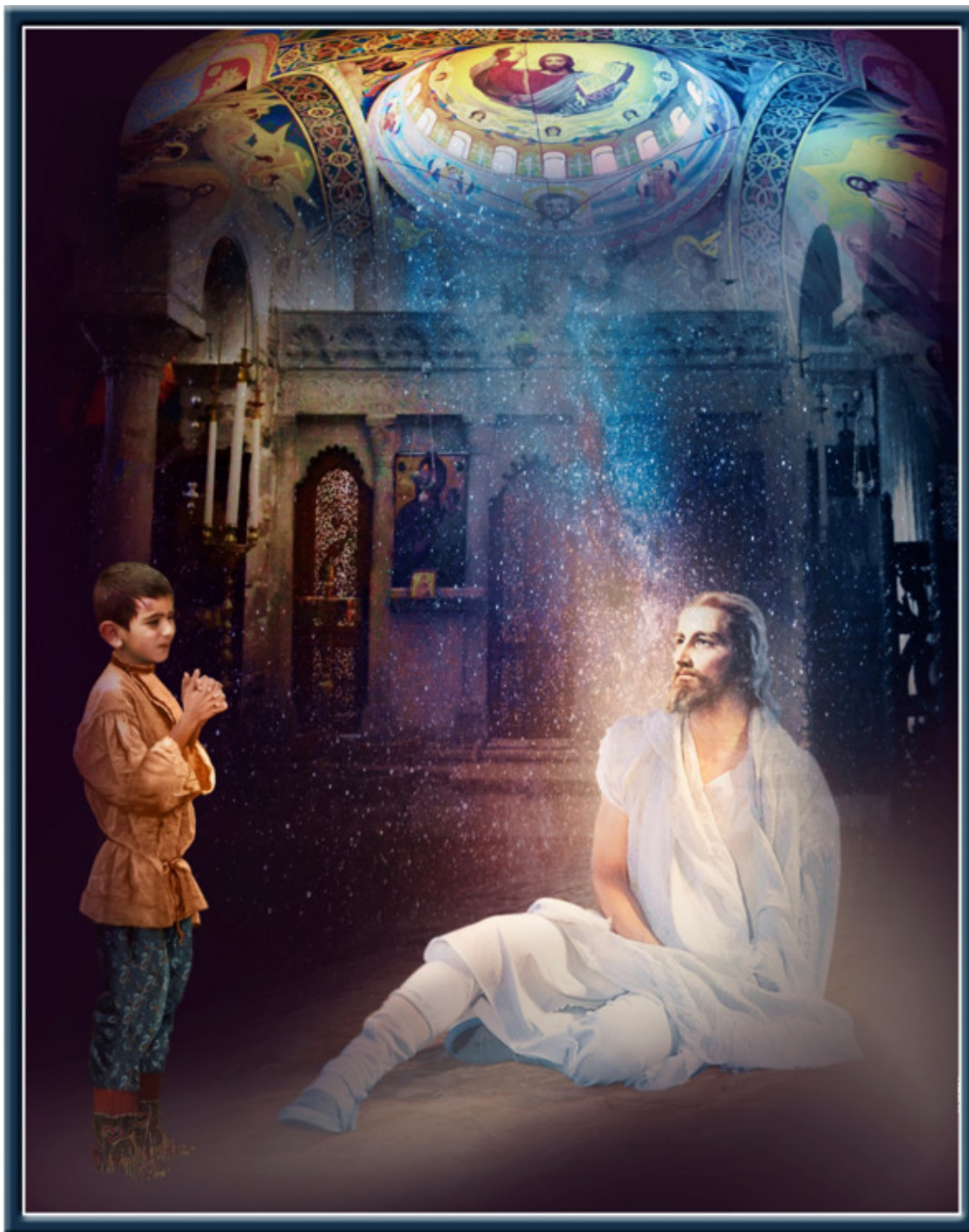
– Бог не дал разуму.

Кеке, мать Сосо, быстро подбегала к плачущему ребёнку и забирала от неразумного дяди.

Мать Йосифа, стройная и большеглазая Кеке, работала по найму, обстирывая соседей и местную знать. Без работы не сидела, всё спорилось в её ловких руках: стирка и шитьё, уборка, выпечка, уход за птицей, обрезание лозы. Зарабатывала совсем немного, но на жизнь не жаловалась, только молилась, поворачиваясь к старенькой иконе. Лик Иисуса на потрескавшейся дощечке был задумчив и спокоен. А её большие глаза становились ещё печальнее. Сосо она поясняла, что у Господа много просящих. Он духовный отец всех людей. А их значимо больше, чем прихожан у священника Христофора в Гори. Когда-то в церкви, куда привела его ещё маленьким мать, больше всего малыша Сосо поразили фрески храма. Было тихо, спокойно и таинственно, как на пустыре перед самой грозой... Старик Христофор подозвал его, поманив пальцем.

– Швило, подыми глаза. – он указал на купол. – Это композиция «Вознесение Господне». В центре окруженный сиянием небесной славы, восседает на радуге сам Иисус Христос. Его фигура превышает по размерам фигуры остальных и выделяется на фоне всей композиции более плотным и насыщенным колором. Это Христос в момент Преображения на горе Фавор. А восемь ангелов несут сферу небесной славы, в которой возносится Христос.

Но Сосо видел всё по-другому.

Фигуры фресок притягивали его и всё было, как во сне... Медленно возникло яркое свечение из которого появился Иисус, чистый лик свой направив прямо на него. И Сосо не мог пошевелиться... а затем, свечение медленно рассеивалось, словно пар, обращаясь в невесомые солнечные лучи, пробивающиеся сквозь стёкла... На душе стало свободно и хорошо, тело наполнилось невесомой лёгкостью... Сколько так было – неизвестно... Нет. Это показалось. Христофор показал ему и подошедшей Кеке книгу. А Кеке что-то зашептала святому отцу.

Так, по просьбе матери обучать Иосифа русскому языку и чтению взялись сыновья священника Христофора Чарквиани. Начали с изучения грузинского букваря, с которым он разобрался за неделю. Сосо схватывал всё на лету, хотя на изучение азбуки и азов элементарного

чтения отводился целый год. Особенно помогала освоиться в чужом доме маленькому Иосифу малышка, дочь священника, с которой они вместе играли в куклы в перерывах между занятиями. Иногда они брали кошку, она становилась волшебным конём в их сказках. Братья Чирквиани были старше Сосо и сестры и им было не интересно возиться с ними. К тому времени мать Сосо, богопослушная Кеке, уже снимала комнату у семейства Чирквиани. Кеке Джугашвили была строгая и верующая, а лупцевала сына лозинкой исходя чисто из добрых побуждений, выгоняя из него бесов.

Последний раз посетил свою мать Йосиф Сталин будучи уже главой государства, это было за несколько лет до её смерти.

– Почему ты меня так сильно била, мама?

– Так надо было.

– Кому?

– Богу. Не жалей розги для сына своего, если ты любишь его. Так сказано в писании.

Старушка смотрела на него спокойными слезящимися глазами.

– Йосиф, кто же ты теперь, говорят, большим человеком стал?

Он слегка улыбнулся той улыбкой, когда шутил.

– Царя помнишь? Ну, я вроде теперь царь.

Пожилая женщина вздохнула, на мгновение задумавшись о чём-то.

– Лучше б ты стал священником... царей убивают.

Сталин усмехнулся, думая о своём. Новый же завет учит нищевродству. Бедность – это благодать, призри богатство, ни к чему оно. Рай будет на небесах, а пока нужно мытарствовать и терпеть. Иудаизм, в который вписано православие, преподносится как некая независимая русская вера. А священники, взявшие на себя роль посредников с богом, набивают себе мошну. Но разве скажешь об этом матери...

Как-то, вопрос о боге задал Йосифу Сталину его сын, Василий, но скорее не из любопытства, а из озорства. Что ответит отец? И тот ответил, со свойственной ему мудрой лаконичностью: «Не имея доказательств по данному вопросу, можно говорить об этом вопросе всё, что угодно, считая это правдой или нет. Как кому угодно.»

О страданиях Иисус Христа Кеке рассказывала маленькому Йосифу в детстве. Сын внимательно слушал, иногда переспрашивая, а потом задавал вопросы. На многие из них ответа у Кеке не было. Сосо немало удивляло, почему бог Иисус был одет хуже лавочника Милахвари и был бездомным, как нищие у церкви отца Чирквиани.

Сталин сформулировал это для себя в простую истину – ведущий за собой лидер, воин или вождь, должны быть не обременены мирскими благами, только духовное обогащение на пользу верящим в тебя людям. Об этом он скажет своим ученикам и последователям позже.

– Стремление к роскоши превратит большевика, защитника угнетённого народа, в буржуа, эксплуататора этого же народа

Это была его истинная вера в справедливость. Обогащать не себя лично, а живущих рядом. Но не всем понять замыслы великого человека, не словами, но благами свершениями утверждавшего благо на земле для людей.

А вот, отношения между матерью и отцом Йосифа разладились давно. Красавец и весельчак Бесо Джугашвили, так звали отца Сосо, с каждым годом становился угрюмее, работа уже не спорилась в его умелых руках, и он начинал пьянствовать. Кеке сначала уходила от него к своим братьям, а затем и вовсе снимала комнаты у знакомых. Бесарионеса Джугашвили, весельчака и балагура, отца Йосифа, сломала жизнь, как и многих она надламывает, кто не сгибается. Лопаётся разящая булава из хрупкого металла, но не ломается сабля из стали...

Отца своего когда-то любил маленький Йосиф, но всё более отдалялся. В пьяном угаре Бесо становился неузнаваем и ярость одолевала им... Они подолгу не виделись, мать снова

снимала комнату у добрых людей. На этот раз у священника Чирквиани. Случалось, Бесариони Джугашвили приходил за сыном к Христофору Чирквиани.

Это уже был не удалой горец в черкесской бурке, а сгорбленный, уставший человек. Священник усаживал его за стол, они говорили о жизни и пили вино. Потом Бесо пел и преобразался. И голос его звучал, как эхо над горами, когда поют херувимы клёкотом быстрокрылых орлов псалмы восходящему солнцу и дарят гимны свободного неба ослепительному светилу. В глазах Бесо вспыхивали разбойничьи искорки воинствующего черкеса. Йосиф подходил вплотную к веранде и слушал. Отец Христофор плакал, подпевая, окуная ломтики шотис пури в ткемали... Влажные глаза отца блестели... Маленький Сосо помнил, как когда-то отец рассказывал ему о справедливых разбойниках или про своего деда, боровшегося с богатеями и скрывавшегося в горах. Помнил о былинных богатырях и героях Грузии. О Георгие Саакадзе, великом Моурави или правителе Тбилиси, Цхинвали и Двалети. Сосо словно видел кровавые битвы с тысячами тысяч воинов, слышал звон оружия, свист стрел и ржание коней. Иногда часами Бесо мог читать наизусть незабвенные строки Шота Руставели о Витязе в тигровой шкуре. Говорил он с надрывом и страстью, будто сам это всё видел, находясь где-то совсем рядом с бессмертным героем. Казалось, сам он готов принять его героическую судьбу и смерть...

*...Этот витязь неизвестный,
Молчаливый и понурый,
Был одет поверх кафтана
Пышной тигровой шкурой.
Плеть в руке его виднелась,
Вся окованная золотом,
Меч был к поясу привешен
На ремне продолговатом...*

Маленький Йосиф, затаив дыханье, внимал его голосу, боясь, что отец остановится... Иногда отец прерывался, чтобы перевести дух или пояснить. Он говорил, что в поэме идеализируются преданность вассала и долг перед царём. Но всё было понятно и так. Долг и преданность, честь и отвага, любовь к отечеству и ненависть к врагам. С раннего детства, ещё не умея читать, Сосо слышал это, знал и душой ощущал эту сокровенную и простую истину. Судьба молодого Йосифа перелистывала страницы жизни яркими картинками впечатлений. И сам он был юным витязем с пылающим сердцем, словно вынутым из костици и поэтической душой горного цветка... И эти рождающиеся строки вырывались из его мятежной груди:

*«На пустыре, заброшенном и диком,
Ростки тюльпанов, чуть набравши цвет,
Печально тянутся к сгорающим зарницам
И в тьме ночной теряют алый свет...»*

Сияющие горные пейзажи, созданные кистью неба и солнца, цветы и травы, оживающие от прикосновения ветра, песни соплеменников, уходящие ввысь, всё это с малого детства окружало малыша Сосо. Вот за холмами скрывается красный солнечный диск... Вечер окунается в лёгкую прохладу... И вдруг, в тишине медленное одухотворенное песнопение под аккомпанемент грузинской флейты, зурны – национального духового инструмента. И длинный ряд столов, как на клеёнчатых полотнах Пиросмани... Начинается традиционная грузинская свадьба – незабываемое событие не только для жениха и невесты, но и для всех присутствующих многочисленных гостей. К свадьбе в Грузии готовятся долго и основательно, чтобы церемония

получилась роскошной и богатой, столы ломились от всевозможных угощений, а гости не ску­чали, наблюдая за яркими и зрелищными развлечениями. Такое пышное мероприятие обхо­дится семьям жениха и невесты очень недешево. Избежать значительных затрат и соблюсти традиции, можно только похитив невесту. И вот, выходит невеста в свадебных платках и лёг­кой газовой накидке, увешанной цветами... Публика торжествует, тамада зачитывает сладкие речи... вот-вот должен начаться пир... Откуда-то к невесте бежит ребёнок. Это маленький Сосо заметил красивый цветок на её фате. Он ухватил цветок и тянет на себя. Вокруг смех. Малыш не отпускает, крепко сжав кулачок.

– Где жених?! – кричит тамада.

Это крестный Сосо, Якоб Эгнаташвили. Он поцеловал мальчика.

– Уступи невесту, швило, твоё время ещё придёт.

Затем повернулся к публике и весело добавил:

– Если он уже сейчас хочет украсть невесту, Бог знает, что он будет творить, когда под­растёт.

Именно он в Гори станет тем, кто пользовался безмерным уважением юного Сосо, его «крёстный», батано Яков, весёлый и состоятельный человек, Эгнаташвили Яков Георгиевич, владелец виноградников, занимающийся виноторговлей. У него некоторое время работала гор­ничной Кеке Геладзе, мать Сосо Джугашвили. В большом каменном доме Якова всегда было шумно и весело. А с его сыновьями, Сашико и Васо, Йосиф будет дружить на протяжении всей жизни. Плакаты с портретами Якова висели на людном месте в городке. Он был известен не только как торговый человек, знатного рода, но и как борец. Грузинская борьба, чидаоба, возникла из мифической схватки прародителя народа с диким зверем. Горцы уважали силу, ловкость и бесстрашие. Борцы почитались при дворах знатных феодалов, а простая публика рукоплескала им на площадях.

Батано Яков, как называл его Сосо, был добродушен, щедр и любознателен. И всегда расспрашивал Йосифа, что нового он прочитал или просил его зачитать что-нибудь ему в слух. Всё, что он постигал в Горийском православном духовном училище, куда Сосо Джугашвили поступил в сентябре 1888 года. Вначале Сосо воспринимал училище, как храм благочестия и справедливости, школу науки, где обучают правильно жить под строгим присмотром Гос­пода. В классах училища не существовало ни одной печи. Несмотря на тёплый климат в Гру­зии, влажной осенью, зимой и ранней весной было холодно. Местные школяры ночевали и отъ­едались, чем бог пошлёт, по своим домам. Начальство редко выдавало воспитанникам бельё, одежду, обувь. Всегдашнею пищею их были в обед постные щи, ржаной хлеб и сухари; в ужин гречневые и просяные каши, иногда лобио. Насаждалась не только русская пища, но и рус­ская речь. Ослушников строго наказывали карцером и розгами. В летние каникулы, желая поправить свое материальное положение, ученики уходили в сёла обучать недорослей богачей за гроши и харчи. Однако, Йосифу Джугашвили была назначена стипендия в размере трех рублей, благодаря хлопотам священника Чирквиани. Были обнаружены у него и способности к песнопению. И Сосо был определён в певчую группу, а затем в хор училища, исполняя дуэты и соло. За несколько лет он прилично усвоил ноты, и свободно пел по ним. И, даже, стал помо­гать дирижеру и руководил хором... Как-то, когда никого из наставников не было, стал испол­нять перед своими сверстниками грузинскую народную песню, распределив голоса среди маль­чишек.

*Ра вкна ту вер давишике
Шени шави твалеби
Бичо чемтан мохвал
Маграм маинц дагемалеби
Мосамгери:*

*Лалеби, Лалеби
Маквалс гигава твалеби
Твали маквалс даудгеба
Шен ки генацвалеби*

Сосо прекрасно вытягивал детским дискантом:

*Что делать, если не смогла позабыть
Твои чёрные глаза
Парень, придёшь ко мне,
Но всё равно спрячусь от тебя...*

Припев весело подпевал хор мальчиков:

*Лалеби, Лалеби
На ежевику похожи глаза твои
Чёрт с ней, с ежевикой.
Тебе я генацвале...*

Правда, за это самоуправство, его хорошенько отругали. Сосо называл это «духовной поркой». В училище воспитывались будущие священники и поэтому им всячески старались привить богобоязнь и смирение. Но с Йосифом это получалось с трудом, и то, когда он делал вид, что смирился.

На «Крещение» произошло событие, чуть не стоившее жизни десятилетнему Сосо. Праздник устраивали возле моста через Куру, где собиралось множество разного народу. На главной улице были выстроены солдаты. После погружения креста, при выстрелах, кропили знамена святой водой. Люди кидались в Куру, обнимались и пили. Улицы были переполнены народом. Стопился народ около церкви, где стоял певчий хор. Внезапный ошеломляющий крик раздался из толпы. Сверху узкой улочки стремительно мчался фаэтон с извозчиком. Лошади скользили по мостовой и повозку кидало в стороны. Цоканье и ржание пронеслось в морозном воздухе, и фаэтон влетел в толпу, его занесло вполоборота и бросило в сторону певчего хора. Откуда рванули врассыпную кто успел. Всё происходило стремительно. Сосо замешкался, он уже поворачивался, чтобы перебежать улочку... фаэтон налетел на него, ударил дышлом и сшиб с ног, колеса переехали по ногам мальчика и бричка, скользя, врезалась в стену. В голове у Сосо всё закружило и стихло. Он не видел, как к нему бежала толпа, многие падали и поднимались. Кто-то склонился над ним, потом поднял на руки. Очнулся и открыл глаза Сосо уже дома.

Как известно из писания, после крещения «отверзлись» небеса и на Иисуса снизошел Святой Дух. А на Сосо, на какое-то время нашло уныние, ведь Господь ничего не делает просто так. Кеке видела, как расстроен сын и глаза её наполнялись слезами. Сегодня он тоже лежал и смотрел сквозь стену, думая о чём-то. Она покачала головой, журуя его, затем, погрозила пальцем, стирая слезу.

– Уныние смертный грех!

Потом, придвинула скамейку к его кровати и выставила стеклянную баночку с мёдом и орехами, Сосо это очень любил. Стеклянная площадка играла слабым янтарным мерцанием. Сосо улыбнулся и привстал на кровати, говоря, что ему уже лучше и лежать просто так не хочется.

– Мама, принеси мне книжку. – попросил он.

Сосо пролежал в постели несколько недель, но к занятиям вернулся только через полтора месяца. За это время Кеке взяла у лавочника несколько книг, которые её любимый сын быстро проглотил. Особенно понравилось ему жизнеописание святой царицы Тамар. Отцом святой Тамары был царь Георгий, внук знаменитого царя и святого, Давида Строителя, который основал и его городок Гори. На то он и царь, божьей волею, чтоб делать много полезного для своего народа. А Бесариона, возмущало, что его сын занимается ерундой, а не делом. И он забрал школяра в Тифлис, прервав учёбу надолго. Там Сосо работал на обувной фабрике, помогал рабочим, мотал нитки, приносил коробки, прислуживал старшим, зарабатывая статус подмастерья. И хотя в России законом был установлен запрет на работу детей до 12 лет, Сосо уже трудился. Отец водился с русскими пьяницами-народниками, часто обсуждая своё бытие за стаканом в присутствии сына. Террористов-народников в России на тот период было, как грязи. Всё же матери, совместно с родственниками и близкими людьми удалось вырвать Сосо оттуда, и он снова учился. Но после пребывания на фабрике жизнь в духовном училище казалась какой-то неестественной. Наставники словно не знали той жизни, которой живут рабочие. Что сказал бы его учитель Илуридзе, узнав, каким трудом рабочих рук создаются его сапоги, которые он любит вычищать до блеска.

Человек – это звучит гордо

*Сказали ему: «Будь проклят!
Чашу испей до дна!..
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»*

Как-то попалась Сосо книжка Чарльза Дарвина «Происхождении видов». Он внимательно перечитывал её, сопоставляя с ранее полученными знаниями. Происхождение видов путём естественного отбора, или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь... Этим открытием нужно было срочно с кем-то поделиться. На улице Сосо разыскал своих сверстников, гонявших по пыльной дороге бурдюк, набитый сухой травой. Он быстро собрал их для важного сообщения и показал всем книгу Дарвина. Затем, он коснулся рукой маленького Васо, потом, своего приятеля по училищу, Глурджидзе Григория...

– Вот он и ты, – Сосо указал на следующего. – И ты... и я... Все...

Он оглядел присутствующих, нахмутив чёрные брови, словно, не узнавая знакомых лиц...

– Все мы. И все люди... произошли... от обезьян...

Наступила тишина.

– Послушайте, – он быстро раскрыл свою книжку, губы его зашевелились, словно он произносил тайное заклинание. Наконец, нашёл, что искал и начал зачитывать вслух: «Мы должны признать, что человек со всеми его благородными качествами, с его божественным умом, который постиг движение и устройство Солнечной системы, словом, со всеми способностями, всё-таки носит в своём физическом строении неизгладимую печать низкого происхождения».

Он снова обвёл всех глазами и опять уткнулся в книгу, отыскивая нужную страницу.

– Слушайте, вот отсюда – и он стал поспешно зачитывать вслух: «...обезьяны затем разветвились на два больших ствола, обезьян Нового и Старого света, а от последнего, в отдалённом промежутке времени, вышел Человек... чудо и слава Вселенной».

Вокруг недоверчиво загудели.

– Все мы. И все люди... произошли от обезьян. – повторил Сосо.

– И купец Милахвари?

– И начальник полиции Давришеви?

– И его жена?

– Все в Российской империи?

– И царь? – произнёс кто-то шёпотом.

– И царь. – Йосиф утвердительно наклонил голову.

А Алан зашептал ему на ухо:

– Сосо, ты стал революционером?

Он не ответил, на мгновение представив себе обезьяньи джунгли здесь, в Гори и по всей России. Картина получалась неприглядной. Маленький Васо запрыгал на месте, пытаясь что-то сказать.

– У отца Алана, шарманщика, есть обезьянка, он с ней выступает на базаре!

И они побежали к турку Али, который держал ручную обезьянку. Особенно в ярмарочные дни макака была неизменным спутником шарманщика. Она, то веселила публику своими шалостями, то раздавала «судьбу» и «счастье», доставая двумя тонкими пальчиками из замусоленного кармана Али конвертик со «счастьем» или с «судьбой», открыв которые можно было узнать всё за несколько копеек...

Турок-шарманщик со своей маленькой обезьянкой, был сегодня на месте. Детвора была очарована тем, как он, вращая ручку, извлекал мелодию из своей шарманки, в то время как его обезьянка, одетая, словно барышня в крошечный наряд, дополненный шляпкой и разными безделушками, давала представление перед собравшейся публикой. Обезьянка свободно исполняла свои трюки, завершив показ подходила к ближнему мальшу и протягивала свою маленькую лапку для рукопожатия. Мальш Васо всё ждал, когда же она превратится в человечка, в эдакую кукольную барыню. Йосиф, как замороженный тоже смотрел на обезьянку, потом повернувшись к приятелю, Глурджидзе Григорию сказал:

– Мысли наши бесконечно крутятся в уме, подобно этой обезьянке. Они кажутся реальными и имеющими силу, но всё же, они на самом деле только мысли, еще не обладающие никаким физическим проявлением, и к тому же они очень легко могут быть ошибочными.

– Это известно одному богу. – ответил Григорий.

На какое-то время Сосо задумался, затем, так же задумчиво произнёс:

– Есть бог или нет – это нельзя доказать и нельзя опровергнуть. Но если бы бог действительно был, он сделал бы мир более справедливым...

Семинарист

В июне 1894 года Сосо Джугашвили уехал в Тифлис поступать в духовную семинарию, с отличием закончив Горийское училище и получив ценный подарок, книгу псалмов Давидовых с дарственной надписью: «Йосифу Джугашвили за отличные успехи в учёбе, примерное поведение и превосходное чтение Псалтири».

Тифлис поразил юного Йосифа своим необычным многообразием. Центральная часть Тифлиса – совершенно губернский город: каменные дома с вычурно украшенными фасадами, по большей части двухэтажные, мощёные мостовые, по которым можно увидеть в модных костюмах степенно гуляющих чиновников, навстречу несутся стремительные экипажи, цоканье копыт слышится ещё издалека. Важные дамы прогуливаются со своими кавалерами и развешивают ажурные перья на их модных заграничных шляпках.

Совсем иное дело окраины: терема точно клетки выглядывают со всех сторон из-за нижних сплошных безоконных этажей, занятых армянскими лавками, духанами, татарскими кофейнями. Пробираясь по узким улочкам старого города, похожего на базар, можно с удивлением рассматривать диковинки этого города. Усыпанные в некоторых местах известняком пыльные дорожки петляют согласно горного рельефа, как и в местечке Гори. По сторонам на каменных помостах небрежно разложена всякая всячина. Пыльная улица переходит в каменную дорожку, по ней стучат копытами вереницы ослов, навьюченных корзинами с овощами, фруктами, зеленью. Появляются женщины, закутанные в белые чадры или лечаки. Дальше слышится стук колеса арбы с крупой, мукой, бобами. Слышны призывы бойких торговцев, нахваливающий свой товар. Издалека нараспев доносится голос мацонщика, подошёл к нему... Вдалеке неожиданный свисток городского... Следуя дальше, он протиснулся сквозь целую толпу грузин в синих чохах с откидными длинными рукавами. Всмотриваясь в незнакомые лица, надеясь встретить случайного земляка, не заметил, как вышел на окраину. Обошёл шумных татар с бритыми затылками. Пропустил угрюмую толпу сезонных рабочих с лопатами, проходившую мимо куда-то на строительство рядом. Встретился старик осетин с кинжалами за поясом и в лохматой шапке. Йосиф заговорил с ним, но тот не ответил. Чужой город, всюду суетно и шумно. Уши не успевают всё услышать, а глаза запомнить. Вдалеке заприметил собачонку и позвал её. Бездомная животина подбежала, виляя хвостом. Йосиф поискал в кармане кусок сахара, поделился с ней.

В большом городе Йосиф очутился по воле матери. Кеке очень хотела, чтобы сын стал священником. К тому же, учитель пения Семен Гогличидзе, из Горийского духовного училища, обещал посодействовать. Как раз в тот год он перешел работать в Тифлисскую учительскую семинарию и предлагал помочь пристроить Сосо, уверяя что тот, несомненно, обладал большим талантом и баритоном Ивана Евстратьевича Молчанова, хорового дирижёра и музыкального педагога. Хотя певчим говорили, что церковное пение должно настраивать душу на молитвенный лад, чувственность уводит от молитвы. Цель церковного пения – не услаждение слуха, а голосистое слово молитвы. Согласно православному учению, церковные песнопения являются отзвуками небес, где нужно думать о боге.

Но у Сосо было своё представление о небесах, наполненных птичьим трепетным многоголосьем в нежных лучах солнечного утреннего рассвета, когда просыпается душа. Примерно так, позже напишет об этом поэт Блок.

*Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою...*

*И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.*

Разве не прекрасно? Всё, что ты смог создать, хотя бы за один день или даже за один час, полезным и нужным делом или вещим словом – ты должен в полной мере насладиться этим сам и отдать людям. Так же, как солнце отдаёт своё живительное тепло, а птица песню. В этом миссия верующего человека. Так думал и делал Йосиф.

Спустя годы, шутя он вспоминал: «Если бы не Ленин, то я пел бы сейчас в церкви, и довольно неплохо». Семинарии представляли собою учебно-воспитательные заведения для приготовления юношества к служению православной церкви. Ректором Тифлисской духовной семинарии был митрополит Серафим, в миру Яков Михайлович Мещеряков. От товарища своего, Петы Капанадзе, с которым вместе учились в Горийском духовном училище, а затем встретились в семинарии, Йосиф слышал забавную историю о митрополите.

Был тот выходцем из крестьян. И, как сыну беднячку, мальчугану приходилось пасти коров, а в душе росла мечта о богатстве и славе. А через деревню проживал архиерей, что частенько проносился в карете, запряженной четверкой жеребцов. В мечтах своих мальчик видел себя тоже архиереем. Чтоб быть ближе к богу и людей на путь праведный направлять.

– Но, самое, интересное не в этом.

– И в чём соль, Пета?

Йосиф, глядя на его весёлое лицо, тоже стал улыбаться.

– Впоследствии он сделался архиереем и ездил в карете, запряженной «четвёркой коней»!

Пета поднял палец вверх.

– Настоящий архиерей!

– Ну да, ведь он стал ближе к богу, и бог его щедро жаловал.

Расстреляют его безбожники в 1933 году. Не помог бог Серафиму, на безбожников не смог повлиять. Но за веру власть не убивала, это христианство, пришедшее с Запада и убивавшее веру предков, принимала Русь на крови. Советская власть провозгласила свободу вероисповеданий, хотя, идейные большевики сравнивали клан священников с цыганами; те опустошают карманы, а служители культа – головы. Задача церкви её направленность — вертикаль от человека к богу, она призывает и показывает путь — как прийти к благодатной вечности.

Очень удивляло Йосифа расхождение того, что проповедовали богословы с реальной жизнью. Его поражали нестыковки в писании, а порою и абсурд. С особым вниманием вычитывая страницы Библии, он стал осознавать: есть святое писание для правящего класса и писание для угнетённых. Ветхий завет, с которого он начал, это чудовищно жестокая, полная ненависти книга, которая хладнокровно перечеркивает христианские ценности и вообще любую человеческую мораль. То, что там написано, прелюбодеяние, предательство, массовые убийства – это просто ужас, не поддающийся пересказу... И Иисус пришёл в мир выполнить это. «Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков, не нарушить пришел, но исполнить.» Теперь Йосиф точно знал и понимал, что Ветхий завет – для хозяев жизни, который учит евреев уважать себя и беречь достоинство. «Кто ударит израильянина по щеке – тот дает пощечину величию бога!»

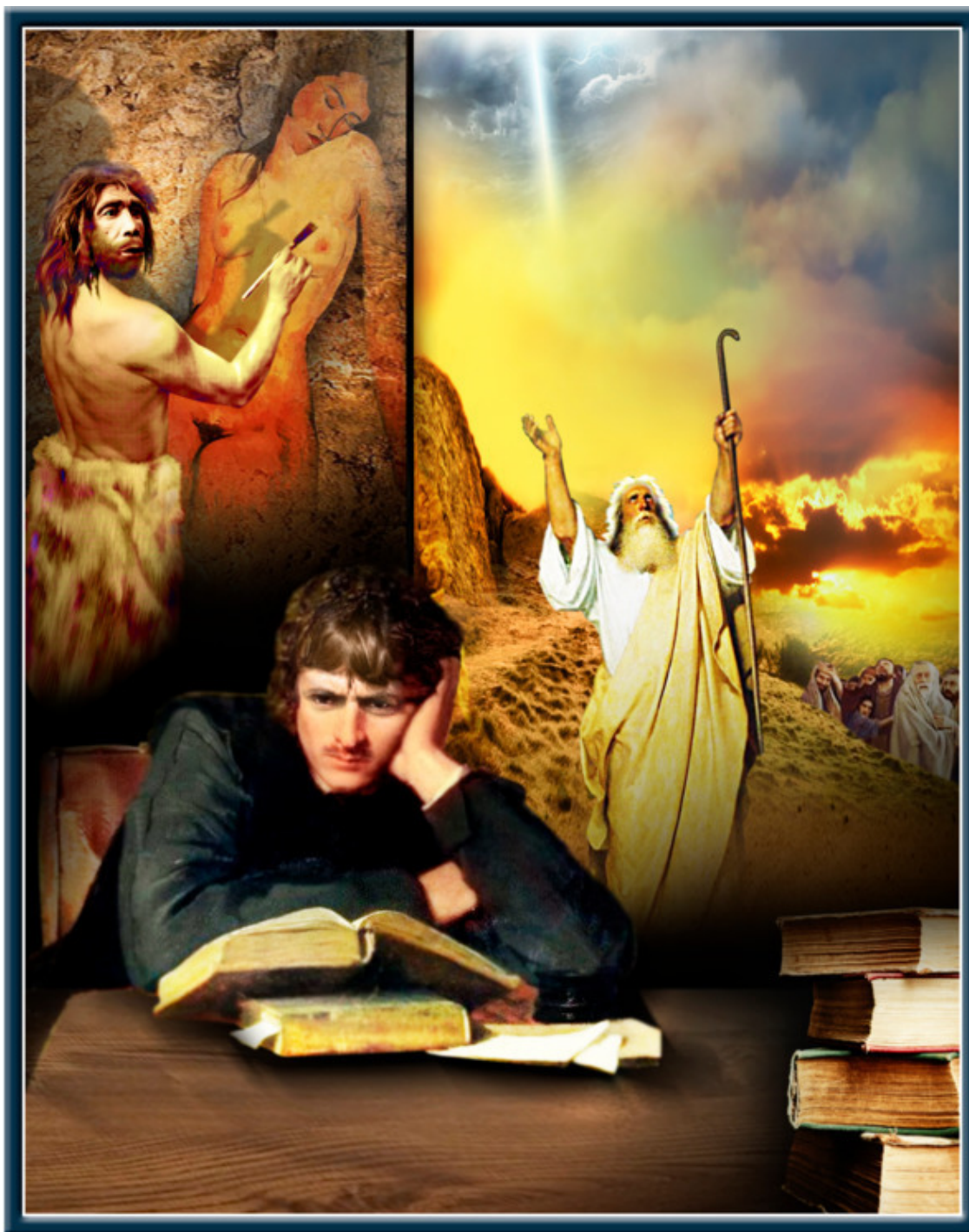
А что говорится в Новом завете, для угнетённого класса: «Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду». Новый завет учит смирению, делаю человека беспомощным. Он не только позволяет человеку делать это с собой, но обиженный еще и обязан молиться за обидчика. «Люби врагов своих, благословляй кланущих тебя, делай добро

ненавидящим тебя и молись за обижающих тебя». А ещё, вычитал он, что Библия учит израильтян, как построить рай на земле. И даны подробные банковские инструкции как с помощью ростовщического процента скупить весь мир и жить на земле, как в раю. «Что можно отдавать в рост; иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай». Йосиф понял, что миллионы верующих, никогда не открывали страниц Библии, ибо, открыв их, многие стали бы безбожниками. Вычитал молодой семинарист, что писание называет верующих – агнцами, а папы называют себя – пастухами. Нашёл он это и у поэта Пушкина.

*Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремящими да бич.*

И ещё более стал понимать Йосиф, что убеждения его верны, что на личном примере следует утверждать жизненную правду и вести за собой.

Всё это было намного позже, а пока он неплохо учился и решил не выказывать своих убеждений или в то время убеждения семинариста недостаточно созрели и укрепились. В первом классе по священному писанию Йосиф Джугашвили сдавал нудные для него темы, как «О выходе Авраама из Ура Халдейского в землю Ханаанскую», «Первые священнодействия новопоставленных Аарона и его сыновей». Можно только представить, что для такого непоседы с острым умом и горящими глазами была эта библейская казуистика. Отметки семинариста по четвертям колебались от «3» до «4» с плюсом. Зато он усердно занимался самообразованием. Хотя в семинарии не разрешалось читать газеты и посторонние кроме программы книги, многие ухитрялись обходить эти запреты, в том числе и Йосиф. Его верой становились знания. И вера в знания крепла. Религиозная доктрина проповедовала высшую силу, но высшей силой молодой семинарист считал человеческий разум и жадное стремление его познавать и постигать прекрасное, начиная с пещерного человека, где тоже были любовь и ненависть.

Церковь утверждает, что человечество проживает в грехе и грех, это болезнь человеческой природы. Всё путано и не связано с логикой... Моисей носился с «Заповедями», которые никто не соблюдает по сей день, но это не мешает отстаивать догму, как истину. Уже совсем иные книги интересовали семинариста.

Разгар жаркого июня, молодой семинарист Йосиф у открытого окна с книгой в комнате для учащихся. Тут же на первом этаже корпуса семинарии находились и квартиры преподавателей. Никого не было, знойный полдень уморил всех, а птиц согнал с деревьев в тень здания. И даже линявшему коту, лежащему поодаль, лень было их гонять. У окна тоже нет прохлады, воздух застыл. Мошка падает на раскрытую книжку, переворачивается и дальше движется, это божья коровка. Она ползёт уже по пальцу... Палец медленно поднимается вместе с рукой

и букашка, разогнавшись, взлетает ввысь. А на плечо семинариста внезапно крепко легла чья-то ладонь, слегка сжав его. Йосиф вздрогнул, захлопнув книгу, неловко повернувшись, и она выпала из рук, раскрывшись страницами. Инстинктивно семинарист дёрнулся за ней, нагибаясь, чтобы быстро поднять, взглянув исподлобья снизу-вверх на того, кто ему помешал. Над ним возвышался его друг, Пета Капанадзе. Он по-приятельски улыбался. Потом стал рассматривать, как Йосиф поднимает книгу и что-то ещё закрывает страницами.

–Бесстрашный Сосо прячет от своего друга папиросы?

Пета пытался вырвать из его рук книгу.

–Уверен, Сосо угостит своего друга.

Йосиф молча вытащил из сложенной книги другую, слегка смятую книжицу с надписью на обложке Лев Николаевич Толстой «Казаки».

–Послушай, что тут написано. – таинственным шепотом проговорил он и начал беспорядочно листать страницы тонкими пальцами.

Наконец, отыскал, что хотел и начал тихо читать:

–Вот едут два казака верхом, и ружья в чехлах равномерно поматываются у них за спинами, и лошади их перемешиваются гнедыми и серыми ногами; а горы... За Терекком виден дым в ауле; а горы...

Сосо произносил так, будто видел эти горы.

–Солнце всходит и блещет на виднеющемся из-за камыша Терекке; а горы...

Конечно, Сосо вырос среди гор, и он видит именно те горы у Куры и Лиахви и закат над Горисцихе. Сосо продолжал чтение :

–Из станицы едет арба, женщины ходят красивые, женщины молодые; а горы... Абреки рыскают в степи, и я еду, их не боюсь, у меня ружье, и сила, и молодость; а горы...

Глаза Йосифа светились.

–Русский пишет о наших горах с таким же восторгом, какими видим их и мы.

Пета, как всегда театральным жестом, поднял указательный палец вверх.

–Это большой человек!

Но Йосиф был серьёзен.

–Брось, Пета.

–А ты, спрячь, это запрещённая книга.

Он указал на обложку.

–Пойдём лучше погуляем.

Для юного семинариста из провинции идейная жизнь города была еще довольно далеко, а помимо этого, должны были привлекать иные, более простые и очевидные вещи. Большой шумный город, с его знаменитыми базарами, многолюдными улицами, лавками, трактирами и духанами, запретными для семинаристов театрами, и милыми кокетками, манил не только провинциалов. От городских соблазнов молодых людей ограждал строгий распорядок. Большую часть времени они проводили в стенах учебного заведения, свободное время и возможность выходить в город были весьма ограничены. Но лазейки находились, и они с Пета Капанадзе тайно посещали Тифлисский оперный театр. Особенно впечатлила его ария герцога Мантуанского из оперы Джузеппе Верди «Риголетто» в русском вольном переводе «Сердце красавиц склонно к измене». Он запомнил это и иногда тихонько напевал.

Различные противоречивые мысли одолевали молодого Йосифа, и он пытался изложить их на бумаге, чтобы разобраться. Так формировались восприимчивые образы, перетекающие в поэтические строки. Неожиданно для себя он пишет первые стихи.

*Раскрылся розовый бутон,
Прильнул к фиалке голубой,
И, легким ветром пробужден,*

Склонился ландыш над травой.

*Пел жаворонок в синеве,
Взлетая выше облаков,
И сладкозвучный соловей
Пел детям песню из кустов:*

*«Цвети, о Грузия моя!
Пусть мир царит в родном краю!
А вы учебною, друзья,
Прославьте Родину свою!»*

Чувствительная его натура сама раскрывалась, как бутон на шипованном кусте... Несколько его лирических стихотворений были опубликованы в газете «Иверия», её издавала группа либеральных тифлисских интеллигентов, во главе с Ильей Чавчавадзе. В семинарии, Йосиф с удовольствием пел в церковном хоре. А для близких своих товарищей исполнял «Сердце красавиц склонно к измене». Ему восторженно аплодировали как заслуженному либреттисту. Постепенно знакомясь с творчеством российских литераторов, он пробует себя на этом поприще. Перекликается с «Данко» Горького и первые бунтарские стихи юного революционера:

*Шёл он от дома к дому,
В двери чужие стучал.
Под старьёй дубовый пандури
Нехитрый мотив звучал.*

*В напеве его и в песне,
Как солнечный луч чиста,
Жила великая правда —
Божественная мечта.*

*Сердца, превращённые в камень,
Будил одинокий напев.
Дремавший в потёмках пламень
Взметался выше дерев.*

*Но люди, забывшие Бога,
Хранящие в сердце тьму,
Вместо вина траву
Налили в чашу ему.*

*Сказали ему: «Будь проклят!
Чашу испей до дна!..
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»*

А ещё, мечтатель и романтик, юноша Сосо, мог видеть мир иначе, чем его сверстники. Закрываясь в комнате и оставаясь наедине с собой, в его воображении рождались душевные

поэтические строки. Жажда познавать и искренне делиться этим, были потребностью молодого Иосифа Сталина. Его новые стихи снова были полны свежести и откровения души.

*Когда луна своим сияньем
Вдруг озаряет мир земной
И свет ее над дальней гранью
Играет бледной синевою,*

*Когда над рощею в лазури
Рокочут трели соловья
И нежный голос саламури
Звучит свободно, не таясь,*

*Когда, утихнув на мгновенье,
Вновь зазвонят в горах ключи
И ветра нежным дуновеньем
Разбужен темный лес в ночи,*

*Когда беглец, врагом гонимый,
Вновь попадет в свой скорбный край,
Когда, кромешной тьмой томимый,
Увидит солнце невзначай, —*

*Тогда гнетущей душу тучи
Развеют сумрачный покров,
Надежда голосом могучим
Мне сердце пробуждает вновь.*

*Стремится ввысь душа поэта,
И сердце бьется неспроста:
Я знаю, что надежда эта
Благословенна и чиста!*

В конце XIX века в студенческой среде российских семинарий распространяются протестные революционные движения. Ненависть к самодержавию и любовь к Родине. На летних каникулах Сосо посещал свой родной Гори и при первой возможности бежал к крестному, Якову Эгнаташвили. Они сидели в зале за большим круглым столом в русском стиле из красного дерева, укрытом бардовой скатертью с кистями. На резных спинках стульев сцены из охоты с окантовкой незатейливого орнамента. Оба сидели полны достоинства, как равные среди равных. Грузный зрелый мужчина, купец второй гильдии, с закрученными вверх усами в домашнем халате и худощавый подросток, в чёрной школярской рясе семинариста. Здесь был другой случай: Иосиф нравился Якову, он был серьезный, целеустремленный, находчивый. Поэтому знатный купец платил за обучение своего крестника в семинарии. Мебель, дом, благородное происхождение достались Якову от деда, чей портрет висел в конце комнаты. Дед был в офицерской черкеске лейб-гвардейской казачьей сотни с кинжалом. А молодому Иосифу – горячее сердце горца, вольная, как ветер, душа и сообразительный ум достались от предков или сам господь прикоснулся к нему.

В это время он рассматривал резные фигурки на спинке рядом стоящего стула, где охотник загоняет оленя. Хозяин, как всегда, подзадоривал семинариста.

– А что бы ты сделал, если бы пошёл на охоту и встретил медведя?

Яков хитро уставился на щуплого мальчугана.

– Ты бы, наверно, выхватил кинжал и сразился с ним? – он помогал подсказкой, хитро прищуриваясь.

– Нет, батано Яков, я бы начал играть ему на русской балалайке, а он танцевать русскую плясовую. Все бы аплодировали нам.

– А, если бы, он не захотел плясать?

– Я бы позвал тебя, батано Яков, и ты б его поборол. Нам бы снова аплодировали.

Эгнаташвили был в восторге и обнимал Йосифа за плечи. Потом, вдруг, застыл.

– А зачем на охоту идти с балалайкой?

– У кого к чему охота, тот с тем и ходит. – быстро нашёлся Йосиф.

Потом он читал Якову произведения Казбеги, где даны потрясающие картины необузданного нарушения человеческих прав, грубого попрания человеческого достоинства. Истинный трагизм мрачной и коварной действительности. А стихи Чавчавадзе лились словно ожившая песня горного ручья с чарующими картинками действительности...

*Зажглось над миром дивное светило
И, разогнав остатки темноты,
Величественным светом озарило
Кавказских гор высокие хребты.
И в этот миг, над горною грядою
Блестя белоснежной головой,
В пространстве между небом и землею
Возник Казбек, суровый и немой.*

Словно из миража появились горы с бликующими вершинами, уходящими в облака, будто горные великаны придвинули их к небу каменными руками. Всё это видела глазами молодого семинариста мятежная душа Йосифа. Эти книги особенно нравились Якову Георгиевичу. А Сосо нравились борцовские поединки Якова Эгнаташвили, которые устраивались в балагане у базара. Смотреть за необычайным по яркости зрелищем сбегался почти весь городок Гори. Он вместе с публикой с восторгом наблюдал технику, ловкость и силу борцов. Это что, батано Яков как-то видел выступления молодого Темирболат Канукова, по прозвищу «Казбек-Гора». Вот это сила! Бытует мнение, что настоящим отцом Йосифа был не бедный спившийся сапожник Бесориони Джугашвили, а состоятельный красавец Яков Эгнаташвили. А, может быть, всё гораздо сложнее?

Если уверовали в рождение от Святого духа Иисуса, отцом которого был плотник Йосиф, почему аналогично не могло больше происходить на Земле? Возможно, это и было второе пришествие справедливого посланника неба... отцом которого был сапожник. В античном мире подобное уже происходило. Известного математика и геометра Пифагора считали сыном бога Аполлона и смертной женщины. Хотя, отец Пифагора был камнерезом. Наступит время и всё будет расставлено по своим местам. «Время разбрасывать камни, и время собирать камни».

Взрослея, молодой Сталин всё больше времени проводил за книжными страницами. Сама жизнь и книги становились его учителями. Учеников духовного звания охотно брали в учителя к своим детям зажиточные и состоятельные горожане, так как они славились своею ученостью и обучали почти задаром. Русским языком он владел уже сносно и даже сам пытался обучать. По просьбе матери он взялся за приятеля своего, армянина Симона, сына строителя Аршака, по-приятельски наставляя правильному великоросскому произношению и элементарной грамматике. И по-доброму смеялся, когда тот коверкал слова. Они сидели у крыльца, увитого виноградником. Солнечный луч, пробиваясь сквозь бронзовую листву,

скользя по набухшей гроздь, высвечивал янтарным блеском спелую ягоду. Симон дотронулся до неё, и ягода брызнула соком.

– Вина принести, а? Божественный напиток.

– Верно, яснолика Агуна научила человека готовить солнечный напиток – сурью. – Йосиф оторвал взгляд от книги и продолжил: – Первая чаша, дает силы, изгоняет боль, усталость и немощь... Вторая чаша, дает веселье и молодость, изгоняет гнетущую старость... Третья чаша для людей лишняя, она превращает человека в животное... В ишака, например.

Он засмеялся. Потом он стал снова серьёзен, но в уголках глаз лёгкие морщинки, предвестники затаённой улыбки.

– Итак, повторяй за мной по-русски: «Женщина принесла обед своему мужчине».

– Камо, принесла обед?

– Принесла обед своему мужу, хачапури, пхали, сациви с курицей и другое, не важно что.

– И вино?

– И вино.

– А камо принесла вино, мужу или просто мужчине?

– Это не главное.

– Это важно, камо принесла? – настаивал Симон.

Йосиф повернулся к нему.

– А почему ты говоришь «камо», это неправильно. Нужно говорить «кому».

– Я и говорю, «камо».

Йосиф засмеялся.

– Будешь ты теперь не Симон, а Камо-джан.

Так и появился псевдоним у профессионального российского революционера Симона Тер-Петросяна, организатора подпольных типографий, транспорта оружия и литературы, денежных экспроприаций – Камо. Негласно Камо называли Робин Гудом революции. Известно, что этот благородный герой средневековых английских баллад, грабил богатых и раздавал награбленное бедным. Однако, чтобы англичанин что-то отдал за просто так, по доброй воле?! Это больше похоже на детскую сказку для наивных бедняцких ушей... Только высшая категория человеческого общества может позволить себе безвозмездно поделиться с ближним; делать подобное могут лишь равные с бессмертным богом. И видеть по-иному мир и воспринимать реальность, а не иллюстрацию, навязанную религиозным культом или искажённым общественным мнением, уметь мыслить самостоятельно могут цельные личности, а не одноклеточная

масса, внешне похожая «по образу и подобию» на ЧЕЛОВЕКА. Не многие могут собирать вокруг себя, являясь цементирующей основой. В простой беседе Йосиф мог увлечь и заинтересовать, и вложить в головы направленную верную мысль.

Любимым развлечением горцев были борцовские или кулачные бои «стенка на стенку», в которых сходились люди разного возраста и сословия. У «стенки» был свой вожак, который громкими выкриками вдохновлял и направлял бойцов. С самого детства такая обстановка воспитывала молодого Йосифа, как дерзкого мальчишку. Быть бы ему большим шалопаем, если бы не страсть к книгам. Если бы не рассказы отца, если бы не романтическая душа, если бы... не был он тем, кем был, в этом окружающем его мире.

Уже будучи в семинарии, во время одного из кулачных боев против городского училища, где он, худой и низкорослый, являлся вожаком группы; Йосиф давал верные советы участвующим, смог грамотно расставить людей и в нужный момент вводить их в бой. И они победили! Все радовались и прыгали, обнимая Йосифа, а он стоял счастливый с разбитым носом и смеялся. Потом Пета Капанадзе всё спрашивал его, рассматривая физиономию друга:

– Как ты это делаешь?

– Не знаю, словно всё вижу наперёд...

И Йосиф вспомнил тот злосчастный крещенский день, когда на него летели обезумевшие кони, увлекая за собой прыгающую по камням повозку. Какое-то внутреннее чувство подсказывало ему стоять на месте... Но он побежал. И случилось то, что случилось, травма на всю жизнь. Теперь он слушал свой внутренний голос. И этот внутренний голос ему говорил, что истинное его призвание помогать неимущим, которых несправедливо используют и угнетают богатей. И это не является божьим промыслом, о котором говорят священнослужители.

– Их проповеди – пустая болтовня. Нам нужно стать другими священниками и нести не библейский опус, а правду, которую видит каждый честный человек. Нести это тем, кто в ней нуждается.

Став с товарищами членами книжного клуба «Дешёвая библиотека», семинаристы зачитываются запрещённой в семинарии литературой. Один из героев романа Гюго, революционер-священник, будет для юного семинариста героем для подражания. Йосиф читает Шиллера, Мопассана, Бальзака, Платона – в оригинале, по-гречески. Он читает книги по истории России и Франции. Он очень любит Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Чехова, чьи произведения запоминает и цитирует.

– Вот слушай, – обращался он к приятелю за обедом: «Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что ты не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой».

И делал вид, что проливает что-то, а потом довольно смеялся, поясняя сказанное. Приятель с ним соглашался. Йосиф смеялся еще больше.

– Ну вот, рядом со мной начинаешь приобретать хорошие манеры. Хотя это не мои слова, а Чехова.

Или ещё, заходит в комнату старших семинаристов, открывает окно и снова цитирует его: «А разве то, что мы живем в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт – разве это не футляр? А то, что мы проводим всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин, говорим и слушаем разный вздор – разве это не футляр». Рахметов Чернышевского становится для него образцом нестигаемого аскета-революционера.

Как-то он прочел запрещенный роман Александра Казбеги «Отцеубийца». Кавказский разбойник, по прозвищу Коба, который сражается за свою независимость и свободу, защищая от русских солдат крестьян-горцев. Йосиф стал называть себя Кобой и охотно отзывался, когда этим именем его называли другие. В этом имени было отщепенство, жестокость, одержимость, готовность пожертвовать личностью и семьей, всем, ради великой цели. Имя Коба стало его революционным псевдонимом и прозвищем. В это же время состоялось и первое знакомство

с Марксом. Семинаристы у знакомого книжника за пять копеек одолжили почитать «Капитал». Читать его было ещё сложнее, чем Библию. Много было непонятно. Успеваемость его ухудшается, но на это он уже не обращает внимания. Молодой Сталин начинает терять интерес к духовному образованию и даже к поэзии. От простого сочувствия революционным идеям он начинает двигаться к открытому бунту. Он уже не почтителен к своим наставникам и резко осуждает благопристойные просветительские дискуссии в семинарском клубе старшего товарища Сеида Девдориани. Йосиф основывает собственный кружок и призывает переходить к активным революционным действиям.

К концу XIX века только ленивый не говорил о революции в России и свержении самодержавия. Самодержца игнорировало высшее сословие империи. Террористы-бомбисты поджидали царя в самых неожиданных местах, словно это был вовсе и не император всероссийский, а нашкодивший гимназист, которого отлавливали сверстники, чтоб дать серьёзную взбучку. Рабочие откровенно крутили фига эксплуататорам, заводчикам и фабрикантам. И, даже студенты и семинаристы, бросив учёбу, собирались строить новый мир. Пробьёт тот час, когда и церковь отвернётся от царя. Что же происходило в России?

Закваска революции или коммунистическая Россия – британский проект

К проекту «красная Россия» подошли не сразу. Происходило всё издалека и постепенно. Дипломатические отношения короля Англии, Эдуарда VI и русского царя Ивана IV или Грозного, начинаются с XVI века. Уже с этого времени английские послы и купцы, для которых построили палаты в Китай-городе, рядом с Кремлём, поливают царя и Русь грязью. Например, английский дипломат Джером Горсей уверял европейскую общественность, что кровожадный Иван Грозный зверски убил в Новгороде 700 тысяч народу, хотя населения в Новгороде тогда насчитывалось еле до 30 тысяч... И в том же ключе прочее... Миф о кровожадном русском царе пошёл гулять именно оттуда. Восхваление царя Петра I и иноземной царицы Екатерины II происходило оттого, что обворовывать государство позволяли иноземцам, в особенности Английскому королевству.

На протяжении истории государства то воевали друг против друга, то становились союзниками. Британская провинция на небольшом острове, ценой интриг и предательства, постепенно превращалась в самое крупное из когда-либо существовавших государств за всю историю человечества, с колониями на всех обитаемых континентах. Британская империя была основана на исключительности англосаксов, принципе верховенства расы завоевателей. Создавая и поддерживая конфликты противоборствующих сторон, они добивались господства над ними, превращая в своих вассалов или рабов. Будучи основными зачинщиками революций в Европе, Британия разрабатывает новый проект. В самом начале XIX века англосаксы начинают усиленно лезть в государственные дела России. Главенствующее место в этом натиске принадлежит Англии.

Уничтожив в ходе дворцового заговора русского царя Павла I, который собрался в союзе с Наполеоном отобрать у Англии Индию и посадив на трон проанглийского правителя Александра I, они начинают влиять на политический курс России. После чего, за ненадобностью уберут и этого императора. А гордость русских, Отечественная война 1812 года с наполеоновской Францией велась за интересы Англии и была щедро оплачена.

Британия, по результатам наполеоновских войн, становится главной колониальной державой, отобрав все французские колонии, окончательно подчинив Индию. Столкнув Россию с наполеоновской Францией, Англия повторит этот трюк более чем через столетие, так же столкнув Россию с гитлеровской Германией. При этом значительно выиграв. В течение последних двухсот лет, Англия, совместно с Западом, неплохо оплачивает российских революционеров: декабристов, журнал Герцена, народовольцев всех мастей, большевиков, советских диссидентов и современных российских либералов. Именно Англия, а в меньшей степени США, стояла за спиной Японии во время Русско-Японской войны 1904—1905 гг. Британская дипломатия фактически развязала Мировую войну, столкнув и уничтожив в ней своих ключевых соперников на евразийском континенте. Ленин и большевики начинали и вели свою революционную деятельность под покровительством спецслужб Англии и её вассалов: Франции, США и Германии. Когда Ленин начал вести полностью самостоятельную политику, он был ликвидирован. Кардинальное усиление СССР стало возможным только при Йосифе Сталине и на длительное время серьёзно спутало планы англосаксов.

Рождение лорда или Сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль

Неподалеку от города Оксфорда, в Оксфордширском графстве в деревни Вудсток находится один из самых величественных и грандиозных дворцов Великобритании – Бленхейм. Это щедрый подарок герцогу Мальборо от английской королевы Анны за победу Англии над французами в войне за испанское наследство. В конце ноября, когда муссоны с Атлантики приносят грозные тучи и они серым туманом опускаются до самой земли, куда не способны пробиться солнечные лучи... в родовом имении Мальборо, в семье известного аристократа лорда Рандольф Спенсер-Черчилль, потомственного герцога Мальборо и леди Рэндольф Черчилль, в девичестве Дженни Джером, дочери богатого американского миллионера, родился первенец – сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль. По-домашнему малыша Уинстона станут называть Уинни или Винни. В эту полнолунную ночь завывание ветра прерывала гроза, освещающая вспышками ослепительных молний чёрные дворцовые комнаты. По народным поверьям, в полнолуние и грозу оборотни меняют обличье, трансформируясь из животных в людей... В этом же году британская корона наконец-таки забрала все полномочия от Ост-Индской компании, укрепив своё колониальное влияние в Британской Индии.

Отец Уинстона полностью ушёл в политическую деятельность, маман поглотила светская жизнь. После рождения Уинни передадут кормилице и няне, а затем гувернантке на воспитание. Малыш был любознателен в том, что его могло заинтересовать. Например, он узнал, что молоко даёт корова, а не получается из воды и взбитых сливок мадам Эверест. Гуляя с ней в парке, он с удивлением узнаёт, что кусты и деревья, приведённые садовником к различным геометрическим формам, растут из земли, а не создаются им самим. И милая женщина подтверждала:

– Всё, что ты видишь вокруг себя, Уинни – это сад Англии, который подарил нам Господь. С детства, в понимании юного Уинли создалось мнение, что добрый Господь любит только Англию, как Уинли свои игрушки, а прочие страны и государства должны быть в услужении Англии, как его прислуга.

Детство денди, в целом, проходило, как бесконечный праздник, хотя, как и на праздниках, наказывают за шалости. У маленького Уинни были великолепные игрушки. Была своя лошадка с седлом, на которой он катался. Но больше всего ему нравились оловянные солдатики, которыми он командовал. Большие, почти как он, и маленькие. Был здесь рыцарь, сэр Хью Калвли, вассал Ричарда II, солдаты Кромвеля, пехотинцы и конные Георга III, прочие воины в миниатюре с моделями пушек на полевом лафете. Подобных солдатиков имели в своих коллекциях императоры Европы и... маленький сэр Уильям тоже, который совершал воистину сражения с императорским размахом. В семилетнем возрасте его отправили в элитную школу, где воспитание достойного джентльмена было превыше всего. Это была одна из самых дорогих и привилегированных лондонских школ. Обучалось всего несколько классов до десяти учени-

ков в каждом. Здесь были площадки для игры в гольф, футбол и крикет и большой плавательный бассейн с небольшим садом, за которым ежедневно ухаживал садовник. Все преподаватели были в вычурных строгих мантиях и квадратных магистерских шапочках. Всё здесь должно быть по правилам и инструкциям, малейшее нарушение которых, каралось.

В традициях старой доброй Англии воспитанников пороли буквально за всё. В этих стенах некогда пороли и юного лорда Байрона. Уинстон не был исключением, и он неоднократно подвергался наказанию розгами. Для сверстников видеть порку юного аристократа – особо поучительно, а отметины лозины на его заднице достаточно наглядно запечатлены, как результат правильного воздействия за нарушения правил поведения в данном учебном заведении. Демонстрация наказания, как ритуал. Вот Уинни с достоинством идёт со спущенными штанами и спокойно ложится на своё место. Он не раз уже здесь побывал и ему известны правила порки. Экзекутор приступает, но Уинни не издаёт ни звука. Зрители, такие же школьники, переводят взгляд с розги на красный зад. Учитель уже выбивается из сил, но Уинни молчит. Розга жжет все чувствительнее, всё отчётливее проявляются красные полосы. Уинни стиснув зубы, извивается от боли, но в конце концов, вскрикивает: «Ой!» Слышится гул среди наблюдающих, розга таки заставила проявить себя. Однако, больше такого они не услышат. Экзекутор устает раньше, на лбу блестят капли пота... Уинни встаёт, с поротой задницей, с полными слез глазами и взглядом, в который просматривается упорное пренебрежение к наказанию. Спокойно натягивает штаны и не спеша выходит, окруженный толпой мальчишек, которые идут следом за своим героем.

– Уинни, больно было?!

Он даже не поворачиваясь, процедил сквозь зубы приятелю Роджеру:

– Не разобрал...

А вот в изучении латинского и греческого дальше алфавита дело не пошло. У преподавателя латинского он вежливо поинтересовался:

– Сэр, удовлетворите моё любопытство, в какой стране разговаривают на этом языке?

Чопорный англичанин слегка смутился.

– Знаете ли, латинский язык – это язык древних римлян.

Видя разочарование мальчика, он быстро добавил:

– В наши дни латинский язык является официальным языком Святого Престола, Мальтийского ордена и города-государства Ватикан.

Уинни немного подумал, потом произнёс:

– Сэр, хочу заявить вам при всём уважении, что в ближайшее время я не собираюсь покидать пределы королевства и, к тому же, не готов для столь ответственной миссии посещения Ватикана и главы Святого Престола.

Преподаватель начал медленно выходить из себя, теребя страницу учебника.

– Вам это может пригодиться для общения с кем-то другим.

– С папой Римским? Нет, пока не собираюсь с ним общаться. – бодро заявил Уинни.

Это было уже слишком. Точные науки Уинни так же игнорировал, всячески демонстрируя нежелание учиться. Отец, мечтавший видеть своего наследника адвокатом или юристом был разочарован... Глупым и не способным Уинни не был, обладая феноменальной памятью, помнил многое из прочитанного и мог цитировать английских классиков. Но обращал он свои ученические усилия только на то, что было ему интересно. Читал он то, что ему нравилось. Любимыми книгами детства станут «Остров сокровищ» и легендарные «Копи царя Соломона». Завоевания сокровищ и жажда приключений бурлила в молодой крови сэра Уинстона, где смешался генетический коктейль от норманнских соратников Вильгельма Завоевателя и прапрапрадедушки пирата Фрэнсиса Дрейка.

Будучи уже зрелым юношей или молодым джентльменом, иногда он любил подчёркивать свою аристократическую натуру. С задумчивым лицом прогуливался по брусчатой мостовой,

постукивая тросточкой, щеголяя в крахмальных воротничках, в чёрном фраке и в блестящем цилиндре. Поправляя небрежно золотую цепочку для часов, вынимая и бросая взгляд на сияющие створки-луковки. Игнорируя взглядом проходящих дам. Одежда подрастающего светского льва была с изыском, пристрастия щёголя распространялись, в том числе, и на дорогое нижнее бельё.

– Всё должно быть лучшего качества. Возвышенную речь в дешёвом сюртуке лучше и не начинать. Не поверят, и правы будут.

И Черчилль смеялся:

– Моё предпочтение— лучшему шампанскому, прекрасным сигарам и дорогому другу! «Не было ни одного дня в жизни, – вспоминал он, – когда бы я не мог заказать бутылку шампанского для себя и другую – для друзей».

Начинает меняться молодой Уинни, когда поступает в престижный колледж, в Херроу. И, наконец, он переведён в «армейский класс», где был основной упор на военное дело. Тут происходит перевоплощение: Уинни становится наилучшим выпускником, что позволило ему поступить в самое престижное военное училище Великобритании, которое он окончил в звании младшего лейтенанта. А в 1895 году по его окончании, Уинстон Черчилль, в возрасте 21 года, был зачислен в гусарский полк королевского величества. Он будет верно служить королю Англии и Великой Британской колониальной империи. И слова будущего премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля подтверждают это: *«Неопровержимо превосходство белой расы над цветной, которая представляет собой варварские народы. Миссия белого человека урбанизировать их и создать из них оседлое цивилизованное общество»*.

А в это же время молодой Йосиф Джугашвили, в возрасте 15 лет, вступает в подпольное революционное движение в России. Он будет верно служить трудовому народу своей страны и огромному многонациональному советскому государству. Единство, равенство и братство её граждан будут являться залогом процветания Великой державы – СССР.

Революционер

Заканчивался XIX век, впереди новое столетие, XX век. Век просвещения и технического прогресса для свободного человечества. Так думал молодой семинарист Йосиф Джугашвили. Он усиленно штудирует Манифест коммунистической партии Карла Маркса и Фридриха Энгельса. «Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – восторженно читает он. – Впереди мировая революция! Конечной целью которой, построение справедливого коммунистического общества в мировом масштабе.

Лишь позже, в зрелом возрасте, Йосифом Сталиным будут замечены общие иудейские корни сионизма и коммунизма... Вожди сионизма, в отличие от коммунистической миссии, конечной целью своей считают мировое господство и новый мировой порядок на Земле по прописанным законам Талмуда. А раввин и финансовый воротила Барух Леви, объяснил своему молодому ученику Марксу суть неомессианства и способ его реализации посредством всемирной коммунистической революции, используя рабочий класс втёмную, как инструмент. Дальше Карл Маркс углублённо развивал эти базовые принципы. А Британия определила и указала страну, с которой следует начать и где она уже проводит свою революционно-террористическую политику, «взрыхляя почву» бомбами революционеров...

Стихийно происходит бунт, «бессмысленный и беспощадный». А революции подготавливаются и финансируются. И совершаются не для улучшения жизни голодного большинства, а для расширения сферы удобств и комфорта обеспеченного меньшинства. Это когда все граждане вкалывают по-коммунистически за паек, а олигархи присваивают всё наработанное, поздравляя товарищей с победой коммунистического труда. И, именно товарищ Сталин при жизни не позволял этого. Но после его смерти подобное начинает происходить почти открыто.

А в царской России, на рубеже XX столетия, создается усиленная служба имперской безопасности, преобразуется Третье отделение в тайную полицию – Отделение по охранению порядка, разрабатывается новая система слежки. Охранка внедряла в революционную среду собственные революционные группы, это должно было ввести революционеров в братоубийственное безумие и деморализовать. Называющих себя революционерами на тот период было, что мошкары у болота при плохой погоде. А скверную погоду продолжал нагнетать Запад.

Грузия, находилась между враждебными жерновами в течение многих веков. И у горцев в крови была скрытность и изобретательность к перевоплощению, и готовность к неожиданным контрударам, острым, как кинжальный клинок. Именно таким человеком был горец Йосиф Сталин. Его грузинское воспитание было идеальным для революционного террориста, в основе которого лежали священная верность друзьям и личная щедрость самопожертвования. Этот его период жизни был, словно игра актёра на опасной сцене, где финалом может стать смерть или каторга. Однажды, находясь в одном из дальних кварталов Тифлиса, в старом доме, предназначенном для нескольких семей, с мезонином и большой деревянной лестницей, он чуть не попал в неприятную историю. Пребывал Йосиф у друга, революционера-подпольщика Михо Бочоридзе. Был он один и собирался уже уходить, когда через занавеску заметил на улице осторожно крадущихся в сторону дома жандармов. Вечерело, но он смог хорошо рассмотреть их силуэты. Выбегать на дощатую площадку балкона и прыгать было небезопасно. Всё это происходило в какие-то доли минуты. Тогда Йосиф моментально принимает особое решение. Быстро открывает стеклянную дверцу камода и извлекает бутылку домашнего киндзмарули. Срывает пробку и спешно опустошает, преднамеренно проливая вино на себя. И тут же появляется на площадке у лестницы, начиная громко петь:

– *Лалеби, Лалеби*

Маквалс гигавс твалеби...

И спускается, хватаясь за перила. Покачиваясь и ругаясь, дожидается, пока не появятся полицейские. Он шумно садится на ступеньку, приветствуя их и приглашая присоединиться. Йосиф, входит в роль беспечного пьянчужки, он хватается за штанину подошедшего жандарма, чтоб подняться. Настойчивость хмельного гражданина мешает полиции подниматься по лестнице. Краем глаза Йосиф замечает агента сыска, шпика в гражданском, с помятой физиономией и бегающими глазками. С ним офицер в чине поручика. Йосиф пытается обратиться к ним заплетающимся языком. Молодой офицер в белых перчатках раздражённо командует:

– Уведите этого вниз.

Двое бросаются выполнять приказ, громыхая сапогами по деревянным ступеням. Небольшого роста урядник старается отобрать бутылку. Йосиф вырывает бутылку и начинает жадно глотать, забрызгивая удерживающих его и поворачиваясь, напевает:

– *Лалеби, Лалеби*

На ежевику похожи глаза твои...

– Пусть катится он к чёрту! – возмущается коротышка урядник, отряхивая мундир.

Падая и поднимаясь Йосиф спускается вниз, продолжая разговаривать сам с собой и совестить жандармов:

– Не надо прогонять меня из моего дома, господа... хорошие...

Жандармы с офицером уже вверху и ломятся кулаками в запёртую дверь. На последней ступеньке Йосиф оставляет недопитую ёмкость и исчезает, успев крикнуть из подворотни:

– Нижайший поклон Аркадию Францовичу...

В это время тот был начальник сыскальной полиции Москвы. «*Лалеби, Лалеби Маквалс гигавс твалеби...*» – слышится издали. Полицейские и шпики продолжали охоту и иногда снова выходили на его след, но Йосиф Джугашвили был неуловим.

В Батуми он резко взялся за дело. Связным был Константином Канделаки, он и привёл его на квартиру, где собирались решительно настроенные лидеры рабочих. На условный стук им открыли. В комнату вошёл худощавый молодой человек, лет двадцати с лишним, одетый в черную рубаху, в распахнутом летнем длинном пальто. Он аккуратно снял чёрную мягкую шляпу и положил на стол. Тёмные волосы почти касались плеч. На энергичном лице пронзительные и внимательные глаза. Он слегка обвёл ими присутствующих, не поворачивая головы. Потом повернулся к Константину.

– Коста, кто это третий слева у шторы? Пусть он подойдёт.

Парень в рабочей одежде несмело подошёл.

– Как тебя зовут?

– Давид Карцхия.

– Принеси воды, Давид. Пожалуйста.

Интонация голоса Йосифа была будто спокойная, но чувствовалось невидимое напряжение, такое ощущение возникает, когда сжимаешь стальное отточенное лезвие ножа. Парень принёс воду и подал стакан. Йосиф медленными глотками стал пить, глядя на него. Перевёл взгляд на его руки, пальцы... Потом отвёл пустой стакан от губ.

– Ты чего-то боишься, Давид?

Парень изменился в лице.

– Правильно, что боишься.

Йосиф повернулся к остальным.

– Это шпик. – без ноты сомнения в голосе заявил он.

При тщательной проверке так и оказалось. На собраниях Йосиф объявлял, что приехал, чтобы привить рабочему движению в Батуми новый революционный дух. В портовом Батуми заправляли две главных финансовых и нефтяных компании – Нобели и Ротшильды. Во второй

половине XIX века Людвиг Нобель, заручившись поддержкой императора России, становится главным нефтяным магнатом «черной жемчужины» Каспия – Баку, начиная снабжать полмира керосином. Чуть позже появляется там и барон Альфонс Ротшильд, начиная так же усиленно выкачивать дешёвую нефть. Таким образом, заморские империалисты подымали и укрепляли свою экономику. И, «от имени нефтяной промышленности России» подписали союз, по которому американцам досталось 75% продажи на экспорт, а русским – 25%. На нефтяном заводе барона Эдуарда де Ротшильда, прозванном «Чёрный ад», круглосуточно трудились, сменяя друг друга, взрослые и дети. Белые рабы, зачастую несовершеннолетние, ютились в бараках на чёрных улицах нефтяного города. Всюду маслянистая горячая жидкость со специфическим запахом, сочившаяся из нефтехранилищ. Показатели смертности зашкаливали. Рядом – рай на земле. Батумские воротилы и иностранные директора превратили это нефтяное болото в курортный город наслаждений с приморским бульваром, который буквально утопает в пышной экваториальной растительности – вечнозеленые стройные пальмы с изящными кронами и огромное количество экзотических цветов. Тут же, белые роскошные особняками в изыске архитектурного стиля для миллионеров, с борделями, казино, и даже, полем для крикета. Великолепный яхт-клуб всегда рад дорогим гостям.

В комнатах у рабочих нефтяного завода Йосиф иногда собирал единомышленников. Сегодня он был у одного из них. Войдя в комнату, сняв шляпу и поздоровавшись, он осмотрелся. Картина нищеты сразу бросилась в глаза. Большой круглый стол с расшатанными ножками и треснувшей у края столешницей, который хозяйка поспешно накрывала заштопанной скатертью. Рядом старый потёртый диван, служивший так же постелью. Комод, приобретённый когда-то со столом и четыре стула, очевидно по количеству проживавших здесь хозяина комнаты, супруги и двух детишек. Стол быстро придвинули к дивану, из комода вынули стеклянный графин с красным вином. Хозяйка проворно раскладывала скромную закуску, приготовленную на скорую руку. Присутствующие вполголоса говорили, бросая неловкие взгляды на революционера с пронзительным взглядом из-под чёрных бровей. Подошло ещё несколько человек. Один из них сообщил:

– В Батуми уже горят все нефтехранилища у складов, а забастовки охватывали город. Это не без участия товарища... – он замаялся, глазами указывая на Йосифа.

– Товарища пастора. – подсказал кто-то.

– Пастыря. – поправили его.

Рабочие были под впечатлением от Йосифа, которого называли Пастырем. Йосиф усмехнулся.

– Хорошо, что не называете пастухом. Вы ведь не овцы, а молодые волки.

Стали рассаживаться. И молодой Сталин заговорил:

– Бог или насмеяется, создавая рядом с кромешным адом рай для избранных грешников... Или указывает на вопиющую несправедливость...

На какое-то мгновение он застыл, глядя на присутствующих горящими глазами.

– Бог не делит людей на богатых и бедных, это должно быть решением... человеческого общества...

Он словно выплавлял слова своим сердцем, хотя, говорил спокойно, лишь слегка повышая интонацию голоса. Размышляя, как бы с самим собой грамотно и уверенно.

– Общество, благо которого создаются на костях рабов, не должно существовать. А промышленники, заводчики, капиталисты всех мастей и прочая царская сволочь – враги всех рабочих и тружеников, их нужно безжалостно уничтожать.

Он снова застыл, сосредотачиваясь.

– И не проявлять к ним никакой жалости. Уничтожать так, как они уничтожают вас.

Йосиф закончил. И, подойдя к окну, открыл форточку и закурил папиросу. Потом он долго отвечал на вопросы, был серьёзен и шутил. Иногда, слегка отклонялся от темы, но возвращался к сказанному опять с новыми примерами.

– Батуми... в основе названия лежит слово бат— «камень», сохранившееся в сванском языке. А вы – батумцы, значит, люди из камня! Миру известно достаточное количество жёстких и волевых, «кремневых» людей, оставивших в истории неизгладимый след. Кстати, имя Иисуса, Христос – переводится, как «кресало» или огонь из камня. И он не был слабохарактерным простаком, позволившим себя распять, имея за спиной вселенскую силу. Он терпел страдания за людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.